

МАСТЕРА —
МОЛОДЫМ

Константин
ВАНШЕНКИН:

„ПЕРВОЕ СИЯЮЩЕЕ СЛОВО“

Творчество Константина Ваншенкина широко известно. Он автор многих поэтических сборников. Все знают песни на его слова, такие, как «Я люблю тебя, жизнь...», «Алеша». Он выпустил несколько сборников повестей и рассказов. Его перу принадлежат интересные книги, в которых он размышляет о поэзии, делится своими воспоминаниями.

Корреспондент «Литературной России» встретился с Константином Ваншенкиным и задал ему ряд вопросов.

— Константин Яковлевич, мне хочется вспомнить ваши стихи 1984 года, которые называются «Чтоб молодые помнили всегда»:

*Чтоб молодые помнили
всегда,
На камне в эту истину
я высею:
Поэт (как математик
или физик)
Себя находит
в ранние года.*

Эта первая строфа, а вот последняя:

*Но если четверть века
позади,
А ты еще не звонко
и не ярок,
Еще не приготовил
свой подарок, —
То от тебя подарка и не жди.*

Сказано достаточно определенно и категорично. За прошедшие полтора десятка лет претерпел ли этот ваш взгляд изменения? Ведь нынешнее поколение молодых поэтов не спешит являться, но несомненно, что в его рядах есть интересные поэты...

— И все же я убежден, что поэт должен — обязан — проявиться молодым, другое дело прозаик... На эти мои стихи было много нападок, но я от них не отказываюсь. Талант, будь он в области математики, физики, музыки, в спорте, проявляется рано. И поэзия здесь не исключение. В этом же стихотворении я пишу:

*Потом он может на своем
пути
И умирать и возрождаться
снова,
Но первое сияющее слово
Он должен молодым
произнести.*

Верно, что среди нынешних молодых трудно назвать имя, которое было бы явлением. Да и само понятие молодости как-то сдвинулось. Говорят о сорокалетних как о молодых, а ведь сорокалетними были Чехов, Блок... Сочетания молодых дают меньше имен, чем это было раньше. Я не хочу сказать, что раньше все было лучше, но если вспомнить наше военное поколение, то мы заявляли о себе гораздо решительнее, так же, как и поколение, пришедшее вслед за нами. И это несмотря на то, что большая часть нашего поколения погибла в боях...

Мне кажется, что появление многих ярких имен было вызвано самой жизнью. Это было требование жизни — оставить след, рассказать о грозном времени. И, может быть, нынешних молодых подводит некое «благополучие» их жизни. Во времена моей литературной молодости у меня было ощущение, что поэтов мало. То есть поэтов всегда было мало, но что и пишущих стихи немного, и печатающихся тоже. У теперешних начинающих ощущение, что собратьев видимо-невидимо, не протолкнешься. Хорошо это или плохо?

Разговоры о том, когда груднее молодым — теперь или прежде, — напоминают спор: когда лучше играли в футбол — сейчас или после войны.

И все-таки хочу напомнить: во времена, когда начинали мы, не существовало журналов

«Москва», «Юность», «Молодая гвардия», «Знаменосец», еженедельника «День поэзии», еженедельников «Литературная Россия», «Неделя», целого ряда других газет и журналов... Не было издательств «Советская Россия», «Современник», «Перемены» огромны. И невольно смущает кощунственная мысль: а не разжижается ли насыщенный поэтический раствор, чтобы заполнить все эти весьма вместительные сосуды?..

— Хочу опять процитировать ваше стихотворение:

*Важно быть участником
событий!
Именно из этого потом
Возникают молнии открытий,
Дерзкий стих
и достоверный том.*

Но ведь биография поэта может быть очень скромна по части различных событий, тем не менее жизнь его, биография его души — чрезвычайно насыщенными. К. И. Чуковский в воспоминаниях о Блоке пишет: «В его жизни не было событий... Через него непрерывной струей шла какая-то бесконечная песня». А как вы думаете?

— Часто понятие судьбы подменяют понятием биографии, но это разные вещи. Судьба шире, чем биография. И действительно, иногда удивляешься, каким образом Пушкин, Лермонтов могли в раннем возрасте, имея небольшой жизненный опыт, писать гениальные стихи. Ничего особенного не было в биографиях Есенина, Маяковского... Но в судьбе любого истинного поэта сконцентрирована судьба поколения, времени. Они как бы призваны выразить время. Но все же художник должен быть связан с событием, с временем. Он всегда тянется к ним. Если бы Твардовский не был на войне, не пережил бы ее, он все равно был бы крупным поэтом, но иным, он не был бы собственно Твардовским. И тяга Блока к революции — это подспудная тяга к жизни, вопреки окружению, воспитанию, обстоятельствам. В этом, может быть, и величие Блока. Или Лермонтов, родившийся после 1812 года, пишет «Бородино» со слов старого солдата — это тоже тяга к событию. Именно исторические, трагические события рождают крупных художников. И поэт должен стремиться уловить время, биевание жизни. Без этого естественного жизненного ядра очень трудно писателю, даже обладающему сильным врожденным дарованием. Это костяк, на который в дальнейшем весьма надежно крепятся последующие впечатления. Вероятно, привычное отсутствие у многих опытных участников и наличие лишь некоторых навыков наблюдателя породили огромный количественный переизбыток чисто внешних стихотворений «Пришел, увидел...» Но не победил, а «описал». Появились поэты очеркисты, даже поэты-репортеры. Поездки на стройки важны, конечно, и полезны, но отсутствия судьбы они заменить не могут.

— То есть среди повседневных впечатлений, событий личной биографии поэт постоянно чувствует причастность к своему поколению, народу, времени. Видимо, это имел в виду А. Т.

Твардовский, когда писал в письме к вам о «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ДУМЕ», одержимости каким-то чувством, задачей, поиском... И там же, отмечая, что в вашей книге «просто нет плохих стихов», он писал об опасности «ГОТОВНОСТИ ОТОЗВАТЬСЯ НА ВСЕ». Размышляя над этим письмом, вы пишете: «Лирика самой своей природой предполагает «ГОТОВНОСТЬ ОТОЗВАТЬСЯ НА ВСЕ». Важно — как отозваться». Не могли бы вы развить эту мысль?

— Соотношение «генеральной думы» с природой лирики, с ее органической способностью «отозваться на все» — вопрос очень сложный. При взгляде на себя тогдашнего я вижу теперь, что у меня был некий основной стержень, на котором все держалось, но он не слишком просматривался, часто его заслоняло случайное. И Твардовский предупредил меня об этом. Очень опасно при известном навыке зарифмовать все. Опасно заданность написать то-то или о том-то. Здесь нужен какой-то внутренний контроль. Это и есть стержень, по которому вытекает растение, движется жизнь. Надо постоянно испытывать сопротивление материала, когда пишешь. Оно дает необходимое напряжение стихам. Я уже и тогда понимал это. Письмо Твардовского было исключительно уместным дополнением голышом, придавшим мне новые силы. В этом весь Твардовский. В постоянном ощущении важности, серьезности, незрешности избранного дела, в обязательном требовании того же от других. Я учился и учусь у него этому. Как он замечательно сказал в одном из своих стихотворений:

*Нужно дело выбирать,
Чтоб оно рождало силы,
С ним о смерти забывать
На краю самой могилы.*

— Видимо, постоянным ощущением этого основного стержня и объясняется цельность впечатлений, например, от последней вашей книги «Поздние яблоки», изданной «Советским писателем»...

— Книжки стихов не пишутся, а составляются из стихотворений, стихи собираются в книжки. Я уже говорил об опасности заданности, головной задачи. Многие отличные поэты пропали, потому что заставляли себя писать стихи, проявляли «волевое решение». Поэты, ярко сказавшие нечто и дальше уже прокручивающие то же самое, но с каждым оборотом все слабее. Темой не возьмешь. «Тематические» поэты меркнут, испытывают кризис...

Работа, требовательность — не только в поисках слова, рифмы, выборе эпитета и т. д., но и в умении отказаться от неточного начала, от неудачного, не единственного, в умении понять это вовремя, суметь отличить или просто остановиться, переждать, отложить, когда «не идет». Что же касается складывания книги, го, я думаю, здесь существуют какие-то внутренние законы, которые диктуют составление сборника. Процесс составления, рождения книги так же труднообъясним, как и процесс написания стихотворения.

— Говоря о «тематических» поэтах, вы, разумеется, не имели в виду то стремление поэтов-

фронтовиков вновь и вновь обращаться к дням войны, к ее осмыслению, к пониманию ее через призму сегодняшнего дня? Это, собственно, и не «тема», а скорее судьба...

— Да, об этом я не раз писал. Об этом же и мое стихотворение, открывающее книгу лирики «Десятилетье», вышедшую в этом году в издательстве «Советская Россия»:

*Наша память устроена
странно:
Изощренный ее аппарат
Нам картины далекого плана
Повторит не совсем
в акkurat.*

*То, что видел я раннее
ранью
И забыл по прошествии лет,
Загорается новой гранью,
Ибо сдвинулись тени и свет.*

*Но и то, что не в силах
забыть я,
По-иному выходит из тьмы.
Не меняются сами события,
Но жестоко меняемся мы.*

— Константин Яковлевич, вы сказали о пагубности «волевого решения» при написании стихов. Но все же, наверно, существуют какие-то условия, при которых вам, например, пишется легче, какие-то свои «секреты»?

— У каждого пишущего — собственный опыт, свои способности, привычки и навыки. Но стихи не пишутся когда угодно, по желанию. Они приходят сами собой, неожиданно. Раньше это называлось вдохновением. «Духновение вдохновения». Озноб удачи. Не стоит вызывать его искусственно. Не следует заставлять себя писать стихи. Это всегда кончается плохо. Но нужно быть готовым к приходу вдохновения. Думаю, это одно из основных качеств пишущего стихи. Утратившие его утрачивают многое, если не все. Ощущение и состояние готовности включиться в нужный момент. Теряю формулу, кому ожидание наскучивает.

Никаких «секретов» у меня нет. Стихотворение у меня обычно начинается с самой строки. Не с отдельно взятого ритма, не с рационально поставленной задачи. Просто появляется строка. Я ее поверчу так и этак и, если она кажется мне достойной этого, заново в записную книжку; обязательно на отдельной страничке, чтобы было место и для остальных строчек, для всего стихотворения. Но часто она так и остается одинокой. Иногда к ней возвращаешься через много лет, и она высекает искру. А порою недоумеваешь потом: зачем я это записал? Но записывать необходимо.

— Но в этом процессе бывают и прерывы?

— Если долго не пишется, испытываешь ужасное состояние, ходишь как больной, угнетаемый страхом, что так будет вечно. Или застопорит посередине — ни назад, ни вперед, — как машина на бездорожье. Но не менее неприятно написать неудачные стихи. Здесь очень важно вовремя, как можно скорее, еще не выпустив их из рук, обнаружить это. К сожалению, не все, даже большие поэты наделены таким качеством.

Долгожданное появление пол-

ноценного стихотворения — исцеление от всех мук.

— Константин Яковлевич, наряду со стихами вы пишете и прозу. Причем начали писать ее уже будучи сложившимся поэтом. Как «взаимодействуют» в вашем творчестве поэзия и проза? Дополняют ли они друг друга или взаимоисключают?

— Первую прозаическую вещь — повесть «Армейская юность» — я написал в 1959 году по предложению и совету А. Твардовского. Он вообще любил и поощрял выход пишущих стихи в другие жанры. Конечно, это совпало и с моей собственной потребностью — не все вмещается в стихи. Невозможность сказать в стихах обо всем, о чем хочется, и неизбежная в связи с этим большая творческая недогруженность ощущаются с годами как непростительная потеря времени. Это и побудило меня писать прозу. Было бы наслаждением над стихами — все втиснуть в них. Когда я пишу прозу, то стихов в этот период не пишу. Всерьез, вплотную занимаюсь прозой, я поглощен ею целиком и не могу переключаться на стихи — даже сам удивляюсь: словно перекрыто что-то. С тех пор как стал писать прозу, мои стихи, по моему, стали более лаконичными. Раньше я больше писал сюжетных стихотворений. Так что процесс писания стихов и прозы при всей их разности един. Но все же где-то есть, видимо, импульс, побудительный момент, когда понимаешь, что это надо прозой, а это — стихами. Никакой беллетристики у меня нет, я не пишу выдуманных ситуаций. Или это было со мной, или с близкими мне людьми. У меня никогда не появлялось желания написать о том, чего я не знаю.

— В начале нашего разговора вы сказали, что среди молодых нет яркого, заметного имени, которое было бы явлением. Возможно, это так, но мне кажется, что в целом вы не столь пессимистично смотрите на молодую поэзию...

— Разумеется, нет. Е. Винокуров написал: «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». Прекрасно! Но ведь еще нужно найти его, встретить, чтобы потом воспитывать. Это острая потребность каждого художника — разглядеть новый талант, пришедший тебе на смену. Это — как инстинкт продолжения рода, мечта натолкнуться на такого, взять его тетрадку, прийти в Союз писателей, в редакцию: «Вы только послушайте!» Готовность такая есть, дело — за молодыми. Конечно, уроки старших замечательных мастеров немало дают нам — не только в молодости. Но все-таки каждый молодой писатель должен помнить — да что там помнить! — это должно стать частью его самого, им самим, — что лишь собственная постоянная безжалостность к себе и своим способностям, неустанное чувство ответственности могут сделать из него художника. Художника своего Времени.

— С этим высказыванием перекликаются стихи из вашего сборника «Поздние яблоки»:

*Короткий поворот
Судьбы или ключа —
И сердце вмиг замрет
Иль заспешит стуча.*

*И сам ты, с сердцем в лад,
Себе едва знаком,
Стоишь, как будто клад
За этим ждешь замком.*

*Внезапный поворот
Ключа или души.
Но что он отожмет —
Сам для себя реши.*

Вел беседу
Геннадий КАЛАШНИКОВ

